

RU

Телеологические основы мотивного комплекса «живые – мертвые»
в романе К. М. Симонова «Солдатами не рождаются»

Хлебцова А. В.

Аннотация. Цель исследования состоит в раскрытии особенностей развития мотивного комплекса «живые – мертвые» в романе К. М. Симонова «Солдатами не рождаются», входящем в трилогию «Живые и мертвые». Данный комплекс включает в себя сквозные мотивы жизни и смерти, мотив утраты и одиночества, мотив памяти и возмездия, мотив войны как «ускоренной жизни». Научная новизна исследования состоит в системном обнаружении в тексте произведения понятийно-аллегорических знаков «живой» и «мертвый», трансформирующихся в романе в идейно-символические. В результате исследования было определено, что изображение смерти советских воинов не рассматривается автором как уход в небытие, как абсолют конечности индивидуального бытия: живые берегут память о погибших, сохраняют духовную силу для сопротивления и продолжают бороться с врагом. Мотив утраты и одиночества развивается в образах главных героев и второстепенных персонажей при изображении потерь близких. Было замечено, что война в представлении героев – это «ускоренная жизнь», которая позволяет понять ценность каждого дня, а также требует от взрослого человека быстрого профессионального становления, а от ребенка стремительного взросления. В кульминационных эпизодах освобождения советских военнопленных из отбитого у немцев под Сталинградом лагеря с помощью знаков смерти Симонов показывает бесчеловечность фашизма, актуализирует мотив расплаты и возмездия.

EN

Teleological foundations of the motif complex “the living – the dead”
in K. M. Simonov’s novel “Soldiers Are Not Born”

A. V. Khlebtsova

Abstract. The aim of this study is to reveal the peculiarities of the development of the motif complex “the living – the dead” in K. M. Simonov’s novel “Soldiers Are Not Born”, which is part of the trilogy “The Living and the Dead”. This complex includes the recurring motifs of life and death, loss and loneliness, memory and retribution, and war as an “accelerated life”. The scientific originality of the study lies in the systematic discovery of the conceptual-allegorical signs “living” and “dead” in the text of the work, which are transformed in the novel into ideological-symbolic ones. The study found that the author does not view the depiction of the death of Soviet soldiers as a departure into nothingness, as the absolute end of individual existence: the living cherishes the memory of the dead, preserve their spiritual strength to resist, and continue to fight the enemy. The motif of loss and loneliness develops in the images of the main characters and secondary characters when depicting the loss of loved ones. It was noted that war, in the heroes’ view, is an “accelerated life” that allows one to understand the value of each day and also requires adults to quickly establish themselves professionally and children to grow up quickly. In the climactic episodes of the liberation of Soviet prisoners of war from a camp recaptured from the Germans at Stalingrad, Simonov shows the inhumanity of fascism and actualises the motif of retribution and revenge with the help of death signs.

Введение

Писательская судьба К. М. Симонова определилась в годы Великой Отечественной войны. Однако путь в качестве военного корреспондента им начат в 1939 году на Халхин-Голе во время конфликта Советско-монгольских войск с Вооруженными силами Японии. В довоенный период Симонов создает произведения, в которых определяет свой принцип изображения войны: диалектические отношения между жизнью и смертью. В 1941 году Симонов пишет поэму «Далеко на Востоке», в которой воссоздает бои при Баин-Цагане. Первые главы поэмы писатель называет «О погибших» и «О живых», определяя «философскую и нравственную

проблематику, неотделимую от “батальных картин”» (Финк, 1979, с. 78). Итогом довоенного творчества Симонова является пьеса «Парень из нашего города» (1940–1941), в которой главный герой Сергей Луконин размышляет: «Победу одни живые не делают. Ее пополам делают: живые и мертвые» (1980, с. 440).

В послевоенные годы Симонов работает над материалами, которые были собраны им на разных фронтах (в 1941–1945 годах) и частично напечатаны в виде очерков и статей; также писатель зафиксировал свои наблюдения и размышления в новых дневниковых записях. Опора на «изображение пережитого лично» (Трубина, 2023, с. 33) придает прозе Симонова исповедальность и полное понимание достоверности в изображении событий и судеб. Поскольку для создания крупного произведения о Великой Отечественной войне Симонов не мог ограничиться только личными записями, работая над трилогией, он использовал материалы архивов (Архив Министерства обороны СССР в Подольске и др.) и воспоминания участников военных событий. В связи с этим в Симонове «невозможно отделить журналиста от писателя»: «...когда требуется молниеносная реакция, в ход идет инструментарий репортера», «когда требуется осмысление – инструментарий писателя» (Машенко, 2023, с. 100). Итогом работы является трилогия «Живые и мертвые» («Живые и мертвые», 1959; «Солдатами не рождаются», 1962; «Последнее лето», 1971), которая стала необходимой ступенью в духовно-общественном осмыслении философских и нравственных вопросов, связанных с Великой Отечественной войной.

При анализе сквозных мотивов «живой» и «мертвой» в первом романе, который дает название трилогии, становится понятно, что данный комплекс образует смысловое пространство, отвечающее телеологической задаче писателя. *Мотив* понимается «как сосредоточенность автора на проблемно-тематической конкретике в изображении героя или взаимосвязи героев» (Лоскутникова, 2017, с. 113–121). Понятие «мотивный комплекс» являет собой «сложное единство тематических, ценностных, эмоциональных аспектов, представляющее целостный эстетический смысл» (Близняк, 2011, с. 1).

Актуальность данного исследования заключается в том, чтобы возродить интерес к романному творчеству писателя (который был неправомерно потерян на рубеже 1990 – начала 2000 годов) и выявить особенности развития мотивного комплекса «живые – мертвые».

В статье рассмотрен мотивный комплекс «живые – мертвые» в романе Симонова «Солдатами не рождаются». Достижение исследовательской цели определяется следующими задачами, соответствующими романной логике произведения: 1) проследить системно-ритмическую организацию исследуемого мотивного комплекса при изображении советских воинов и противника, а также личного горя человека (потеря генералом Серпилиным жены, безвестная судьба Маши Артемьевой и др.); 2) выявить знаковую природу мотивного комплекса «живые – мертвые» (изменение в мировосприятии младшего лейтенанта Синцова, понимание генералом Кузьмичом хода времени на войне, стремительное взросление детей и т. д.); 3) определить особенности семантики в изображении кульминационных сцен романа (освобождение фашистского лагеря для советских военнопленных, воплощенное сквозь призму сознания Тани Овсянниковой и ряда эпизодических персонажей).

Ключевые методы исследования: сравнительно-исторический, благодаря которому было определено динамическое значение мотивного комплекса «живые – мертвые» в романе; типологический метод, позволяющий проследить развитие понятийно-аллегорических знаков «жизнь» и «смерть» и их осуществление в качестве идейно-символических при изображении военных событий и судеб советских людей, застигнутых Великой Отечественной войной.

Материалом исследования является роман К. М. Симонова «Солдатами не рождаются».

Теоретической базой при изучении романного творчества Симонова стали работы И. Л. Вишневской (1966), С. Я. Фрадкиной (1968), Л. И. Лазарева (1974), Л. А. Финка (1979), В. С. Синенко (1986). На рубеже XX–XXI вв. жизнь и творчество Симонова подверглись несправедливой критике, в результате чего фигура писателя оказалась практически забытой. В настоящее время интерес к личности Симонова постепенно возобновляется: его поэзия освещена в диссертационных работах И. Ф. Герасимовой (2008) и И. Н. Коржовой (2023), его судьбе посвящена книга Б. Д. Панкина (1999), романной историософии – книга М. А. Гареева (2006), а романному творчеству – ряд статей (Белова, 2021; Польш, 2023; Лоскутникова, 2024).

В сопоставлении понятийно-аллегорических и идейно-символических знаков мы опираемся на труды И. В. Гете (1964) 1810–1820-х годов, А. Ф. Лосева (1995), Ю. М. Лотмана (1992), Ц. Тодорова (1999), Н. Д. Арутюновой (1999), а также К. В. Душенко (2023).

По заключению М. Б. Лоскутниковой, «художественная систематика» произведения крупной формы опирается прежде всего на «сюжетно-мотивную организацию романного целого», которая, в свою очередь, «основана на понятийно-аллегорическом видении» определенных знаковых объектов авторского наблюдения и «одновременно-попеременно – на движении этого представления к идейно-символическим формам изображения жизни и человека в ней» (2022, с. 301). В силу этого понятийно-аллегорический взгляд автора на объекты наблюдения «однозначно фиксирует завершённый смысл, что ведет за собой переход от частного к общему, транзитивность и т. д.», а идейно-символический формирует «семантическое преобразование», осуществляющее создание «многозначного ореола» слов-знаков и «многоярусный в смысловом отношении контекст, что позволяет нарастить усилия авторской телеологии, нетранзитивной в силу синтетизма самого символа» (Лоскутникова, 2022, с. 301).

Практическая значимость работы: полученные результаты могут способствовать дальнейшему изучению творчества К. М. Симонова, а также могут быть использованы в школьных и вузовских курсах по истории русской литературы второй половины XX века.

Обсуждение и результаты***Системно-ритмическое обращение автора к знакам жизни и смерти
в романе «Солдатами не рождаются»***

В трилогии «Живые и мертвые» Симонов сосредоточил свое внимание на судьбах трех главных героев – генерале Федоре Серпилине; политруке, а затем младшем лейтенанте Иване Синцове и военвраче Тани Овсянниковой. Такая особенность в характерологии романа необходима для того, чтобы четко обозначить грани народного мировосприятия и показать войну с трех разных ракурсов: с командного пункта, из окопа и женский взгляд на события.

При анализе ритмической организации мотивного комплекса «живые – мертвые» нами было замечено, что в романе «Солдатами не рождаются» мотив смерти наиболее характерен, нежели мотив жизни, что естественно для военной прозы. Симонов отмечает, что человек на войне уже не думает о смерти как об исключительном, редком явлении, так как сталкивается с этим практически ежеминутно. Изображение смерти советских воинов и фашистов приобретает разное значение. Мертвый противник перестает сражаться, нести разрушения и больше не представляет опасности; смерть врага – это цель для советских солдат и офицеров: «Чтобы сверхметкий огонь сегодня дали, все живое мертвым сделали...» (Симонов, 1989, с. 626). При этом писатель отмечает, что погибшие советские солдаты остаются в памяти живых, «требуют» у них ответов за совершенное, «порицают» виновных и «не терпят» компромиссов. На фронте особенно сильно живые ощущают незримое присутствие погибших. Так, Серпилин, слушая сводку прошедших боев, «ощутил у себя за спиной молчаливую толпу мертвых» (Симонов, 1989, с. 14), требующих от него выдержки и силы.

В романе писатель высвечивает личные трагедии каждого героя, показывая тем самым беспощадность войны ко всем: женщинам, детям, пожилым людям. В ткань произведения включено достаточно много эпизодов, в которых показано, как взаимоотражаются собственное горе человека и народная трагедия.

Генерала Серпилина Симонов наделяет пониманием того, что «смерть ломает всё» (1989, с. 121), и именно это осознание лежит в основе личной драмы Серпилина: смерти жены, а в дальнейшем и гибели сына на первом же бою. С помощью лексического повтора Симонов показывает душевное потрясение Серпилина, который узнает о предсмертном состоянии жены Валентины Егоровны: «Надо было брать высоту Бугор – а у него умирала жена. Надо было решать, какого комбата посильней поставить на место убитого Тараховского, – а у него умирала жена. Надо будет убрать подальше от дороги, чтобы не разбомбили, второй эшелон батальона связи – а у него умирала жена. Надо будет пробить заблаговременно, до начала наступления, вторую снежную дорогу к фронту <...>, – а у него умирала жена... (курсив автора статьи. – А. Х.)» (1989, с. 64-65). Обнажая личное горе Серпилина, Симонов отмечает одномоментность разномасштабных, на первый взгляд, состояний человека, который по долгу службы и своему положению обязан заниматься военной операцией, но при этом он не может избавиться от тревожных мыслей за судьбу жены.

Потеря жены стала для Серпилина трагедией, и то, что он «видел своими глазами столько смертей, что давно потерял им счет, нисколько не помогало ему в эти минуты» (Симонов, 1989, с. 104). Мотив утраты и одиночества зарождается в романе в Главе 6, повествующей о похоронах Валентины Егоровны. Личная трагедия пробуждает у Серпилина размышления о собственной жизни и о судьбе Валентины Егоровны, и итог этих размышлений вызывает у него смертельную тоску: «Я жив, здоров, а Вале это стоило жизни» (Симонов, 1989, с. 107).

Мотив утраты и одиночества раскрывается при изображении судьбы Ивана Синцова, который потерял жену Машу, выполняющую агентурную работу в немецком тылу. Симонов показывает психологическое и физическое состояние Синцова, его глубокое потрясение, когда Артемьев рассказывает ему о смерти Маши: «Просто пустота и холод в теле, как будто все из тебя выкачали...» (1989, с. 487). Осознание Синцовым случившегося писатель передает с помощью лексического повтора: «А когда всех других сфотографировали для партийных билетов, а его нет и он ругался из-за этого с Малиновым, <...> она уже умерла. И когда генерал Орлов выдавал им ордена, она уже умерла. <...> И когда ему после госпиталя давали отпуск в Москву, чтобы искать ее, а он не взял отпуска и пошел в школу младших лейтенантов, она уже умерла, ее уже не было (курсив автора статьи. – А. Х.)» (Симонов, 1989, с. 481). В сознании Синцова события военных дней неразрывно сплетаются с мыслями о смерти жены. Постоянное присутствие смерти на фронте не помогает человеку смириться с личным горем, не облегчает его: «При всей силе привычки жить среди чужих смертей все-таки смерть жены было трудно вставить в этот уже сложившийся за годы войны список неизбежностей» (Симонов, 1989, с. 489). Острое чувство утраты и одиночество поглощают Синцова, однако война и служебный долг требуют возвращения к своим обязанностям.

В судьбе Тани Овсянниковой также сплетаются личное горе и трагедия народа. После ранения Тани дают отпуск, чтобы она навестила мать в Ташкенте. Там женщина сталкивается с тяжелой жизнью в тылу. От матери Таня узнает о гибели брата Виктора на фронте, а также о смерти отца, который до изнеможения работал на заводе, будучи нравственно сломленным несправедливыми обвинениями, связанными с потерей важной для завода документации, и недоверием. Как верно отмечает Л. А. Финк, «так в биографии Тани обнаруживаются драматические страницы, совпадающие по своему содержанию с драматизмом судеб Серпилина и Синцова» (1979, с. 334). Личная трагедия Тани высвечивается особенно сильно при воспоминании о бывшем муже Николае, который остался в тылу, будучи врачом по образованию. Симонов подчеркивает нравственное превосходство Тани, которая презирает мужа за трусость: «Но мой отец умер, мой брат убит, а он нигде не был...» (1989, с. 224),

«не представляю себе, как же так: война идет, а я не буду на фронте...» (1989, с. 381). Испытывая героиню потерей близких, картинами тягот и испытаний ташкентской жизни, писатель показывает твердость, выдержку и нравственную силу Тани, которая вынужденно закалилась в окружении и партизанском отряде. В отличие от бывшего мужа, Таня понимает, что ее место на фронте, что она обязана оказывать помощь советским солдатам и офицерам, тем самым противостоять фашистам. Гибель брата и смерть отца усиливают желание Тани вернуться на передовую.

Судьбами главных героев данная проблематика не ограничивается: мотив смерти развивается при изображении личных потерь второстепенных персонажей. Близкий друг Синцова, майор Павел Артемьев ступил на свой военный путь на Халхин-Голе, а начало Великой Отечественной войны встретил в Забайкалье. Артемьева Симонов испытывает неизвестностью: сначала за судьбу матери и маленькой племянницы, которые в начале войны были в осажденном Гродно, а потом и за судьбу сестры Маши, которая была отправлена на агентурную работу в тыл к немцам. Во втором романе трилогии мотив утраты находит свое отражение и в судьбе Артемьева, который, узнав от Тани подробности гибели сестры, испытывает тоску и боль. Мотив одиночества развивается при воспоминании Артемьева о матери, усиливая чувство безнадежности: «Узнав о смерти Маши, он уже не верил, что мать жива» (Симонов, 1989, с. 215).

При создании образа Артемьева Симонов подчеркивает стремление героя к возмездию. Писатель показывает, что известие о гибели сестры от рук фашистов вызывает у Павла непримиримый гнев и желание расправы: «Да что же это такое, как мы это позволили, чтобы они там гибли, умирали <...> Нет, на фронт, на фронт, скорее на фронт... Бить эту фашистскую сволочь, бить, не щадя, не жалея, до смерти!» (Симонов, 1989, с. 157–158).

Симонов показывает личное горе командира танковой бригады полковника Климовича, который на вопрос Артемьева о семье «ровным, без выражения голосом» отвечает: «Семью похоронил. <...> Всех разом, в одной воронке... И могилу не сам выбирал, и плакать времени не дали» (1989, с. 149). На фронте Климович с начала войны переживал тяготы окружений и отступлений, потерю техники. Казалось бы, жестокие условия фронтовой жизни должны закалить человека, однако за внешней невозмутимостью Климовича скрывается остро переживаемое горе от потери всей семьи.

В романе автор акцентирует внимание на том, что смерть на войне становится обыденным, привычным явлением, однако при изображении мертвых советских солдат и офицеров актуализируется мотив памяти, а гибель противника воспринимается как закономерный итог сражений. В романе Симонов показывает, что потеря близкого человека является невосполнимой утратой, поглощающей человека, обрекающей его на одиночество, однако война не дает людям погружаться в личное горе, а требует моментальной концентрации моральных сил для дальнейших операций и сражений. Смерть близкого человека, особенно женщины, вызывает у героев ярость и желание расправы.

Мотив войны как «ускоренной жизни»

Война – страшная трагедия, которая ломает судьбы, лишает жизни, заставляет людей бороться в нечеловеческих условиях, но ставящая выше всего мужество, отвагу и героизм тех, кто встает на защиту своей Родины. В романе «Солдатами не рождаются» Симонов передает диалектическое ощущение войны, наделяя ее как будто самостоятельным сознанием. Такое всеохватное присутствие войны как чего-то живого Симонов организует с помощью глаголов: «...война только чуть слышно шевелилась», «...война пахла бензином и копотью, <...> она скрежетала гусеницами, строчила из пулеметов и падала в снег <...> шла и бежала вперед», «...война научила» (1989, с. 7, 57) и т. д. По справедливому замечанию И. Л. Вишневецкой, «война здесь [в романе] есть еще и сама по себе, как отдельное, особое и главное действующее лицо повествования, как некий самодовлеющий <...> литературный герой» (1966, с. 142). Симонов показывает, что, обладая «сознанием», война вершит человеческие судьбы, несет смерть: «...война большая <...> и жрет людей много», «...война поступила по-своему и убила», «...война <...> рвет на куски, укорачивает, ломает живое человеческое тело»; при этом война испытывает людей не только на передовой, но и в тылу: «...война его [отца Тани] до смерти довела» (1989, с. 237, 596, 669, 369).

В романе «Солдатами не рождаются» Симонов показывает, что война изменила отношение людей к жизни и смерти. Если в первом романе трилогии писатель отмечает, что начало войны стало переломным событием, разделив жизнь на «до и после», то во втором томе автор акцентирует внимание на ином восприятии героями жизни в военное время. Симонов обращается к психологии человека, который вовлечен в войну уже третий год, и его жизнь теперь и есть война: «...остался опять один на один со своей обычной жизнью – войной» (1989, с. 603). При этом писатель отмечает, что для солдат и офицеров жизнь теперь делится на тыловую («жизнь за минувший сорок второй сложилась из двух госпиталей»), и фронтовую, которая измеряется участием в сражениях («лейтенантская жизнь в дни наступлений недолгая – в среднем от ввода в бой и до ранения или смерти») (Симонов, 1989, с. 232, с. 235). Симонов показывает, что начало военной жизни для молодых лейтенантов ассоциируется с первым сражением: «...только вдруг вспомнил об убитом прямо на глазах молоденьком лейтенанте: собирался начать жизнь с этого боя, а вместо того кончил на нем (курсив автора статьи. – А. Х.)» (1989, с. 73).

Война меняет не только отношение к жизни или смерти, но и восприятие времени. На протяжении всего романа Симонов показывает, как герои осознают стремительность жизни на фронте. Профессиональные военные знают об особенностях движения времени на передовой: эти рассуждения писатель доверяет старому и опытному генералу Кузьмичу: «Что есть война, знаешь? Война есть ускоренная жизнь, и больше ничего. И в жизни люди помирают, и на войне то же самое, только скорость другая» (Симонов, 1989, с. 253). По справедливому замечанию В. С. Синенко, «мысль писателя, что “война есть ускоренная жизнь” реализуется и в сталинградских,

и в ташкентских, и в московских главах романа» (1986, с. 61). Так, в размышлениях Синцова накануне боя проявляется ощущение быстротечности времени на фронте, для этого писатель использует различные слова с семантикой смерти: «...все успевают люди за сутки на войне. Чего только не успевают! И положить живот свой за други своя, и кого-то послать на смерть, и кого-то спасти, и кого-то не убересть, хотя, может, и можно было убересть» (Симонов, 1989, с. 358). Автор использует мотив «войны как ускоренной жизни», чтобы показать, что на фронте у людей обостренное восприятие времени, а также именно в условиях постоянной опасности человек понимает ценность жизни.

Писатель акцентирует внимание на том, что война неумолимо ускоряет течение времени, забирая и у детей их самое счастливое время – детство. Симонов показывает, что жизнь во время войны «ни с чем не считаясь, вдруг требует от них [от детей], чтобы они за несколько часов взяли и стали взрослыми, и они становятся» (1989, с. 96). Переживая смерть близких людей, членов семьи, дети вынуждены за короткий срок взрослеть и брать на себя ответственность за свою жизнь и за жизнь тех, кто остается рядом с ними – братьев, сестер, матерей. Симонов показывает, что война требует от детей принятия сложных решений в короткий промежуток времени, что приводит к психологическому взрослению, которое в мирное время заняло бы несколько лет. Так, смерть во время войны символизирует не только быстротечность времени, но и становится символом потерянного детства.

Таким образом, в романе «Солдатами не рождаются» Симонов показал, что война лишает человека простых радостей мирной жизни, меняя естественный жизненный цикл, приближая возможность смерти. На фронте и в тылу происходит ускоренное формирование характера, вынужденный процесс возмужания человека, который, испытывая физическое и эмоциональное напряжение, открывает в самом себе ранее не известные ему возможности.

Телеология кульминационных взлетов в развитии мотивного комплекса «живые – мертвые»

В романе «Солдатами не рождаются» автор дает ряд эпизодов, которые представляют собой наивысшие точки в эмоционально-психологическом и идейно-гуманитарном восприятии жизни и смерти. Одной из таких внутренних кульминаций в развитии мотивного комплекса «живые – мертвые» является пребывание Тани Овсянниковой в отбитом у немцев лагере советских военнопленных под Сталинградом. Эти Главы (28-30) пронизаны пафосом ужасного и трагического. По свидетельствам сражавшихся бойцов, которые первыми прорвались в лагерь, «в нем творится что-то невообразимое» (Симонов, 1989, с. 449). Мотив расплаты и возмездия реализуется при изображении бесчеловечных преступлений фашистов в лагере. Симонов показывает психологическое состояние советских воинов, которые, «увидев эти горы трупов, перебили всю лагерную охрану до последнего человека» (1989, с. 449).

Эпизод, связанный с дорогой до отбитого у немцев лагеря, особенно значим при анализе мотивного комплекса «живые – мертвые». По пути к лагерю Таня видит последствия сражений: воронки, сгоревшую технику, трупы солдат. В сознании Тани все делится на «наше» и «ихнее», и изначально ее представление маркируется точными знаками: «“Наше” было живое, а “Ихнее” – мертвое. Мертвая проволока, мертвые окопы, мертвые люди в снегу, мертвые, брошенные орудия и машины» (Симонов, 1989, с. 456). Автор, используя лексический повтор слова «мертвый», подчеркивает перемены в сознании советских людей, их понимание того, что немец смертен.

Поначалу Таня даже не замечает сгоревшие советские «тридцатьчетверки», потому что испытывает глубокое потрясение, так как она «впервые попала на такую войну, где мы были сильнее немцев» (Симонов, 1989, с. 456). Дальнейшие впечатления Тани от пребывания в лагере построены на антитезе: утром на аэродроме она видела советских летчиков, живых и здоровых, а вечером в лагере она видит изможденных, больных и умирающих людей. Симонов, стремясь показать всю жестокость и бесчеловечность фашизма, изображает территорию лагеря, всю покрытую трупами: «Таня первые несколько шагов еще выбирала, старалась не ступить на голову или лицо. А потом, <...> пошла <...>. Она шла по людям, шла по тому, что было раньше людьми» (1989, с. 462). В этом эпизоде Симонов высвечивает мужество и выдержку Тани, которая добровольно остается в лагере, а военный врач Хрюкин уезжает, так как не может выдержать увиденного.

При изображении советских пленных Симонов подчеркивает разное эмоциональное состояние освобожденных. Одни солдаты жаждали расплаты за испытанные страдания: «Поскорей вылечивай, доктор. Я еще их убивать пойду...» (1989, с. 474). У других писатель подчеркивает надломленное психологическое состояние. Для людей, которые прошли через зверство и беспощадность фашистского плена, собственная жизнь перестала представлять ценность, а смерть, наоборот, казалась спасением. Так, в разговоре с санитаром Таня узнает про вал из трупов перед проволочным ограждением: «...многие люди, кто дальше жить не хотел, просто так шли или ползком доползали, чтобы смерть принять <...> не за снегом, а за смертью своей ходили» (Симонов, 1989, с. 471). Смерть виделась людям избавлением от нечеловеческих условий содержания в лагере. Симонов показывает, что при оказании необходимой первой помощи пленным Таня старается подбодрить людей, дать им надежду на будущее: «Вы теперь жить будете» (1989, с. 474). Однако психологическое состояние некоторых солдат было подорвано пережитым в лагере ужасом: «А может, я жить после этого не хочу» (Симонов, 1989, с. 474). Писатель показывает, что для человека, чье достоинство сломил фашистский плен, единственным освобождением виделась смерть.

Таким образом, знаки жизни и смерти в данных главах приобретают разные значения: увеличение знаков со значением смерти при описании фашистов свидетельствует о превосходстве Красной Армии, указывает на изменения в соотношении сил, однако при изображении лагеря преобладающие знаки смерти свидетельствуют о жестокости и бесчеловечности фашистов. Для советских военнопленных, которые видели беспощадность немцев в лагере, смерть становилась источником мучительных воспоминаний и избавления от страданий.

Заключение

Таким образом, понятийно-аллегорические знаки «живые» и «мертвые», которые формируются в первом романе трилогии К. М. Симонова «Живые и мертвые», во втором романе «Солдатами не рождаются» «вырастают» до идейно-символических. Было замечено, что в количественном отношении в тексте произведения знаков жизни гораздо меньше, что подчеркивает ужас и противоестественность войны, которая становится обыденной жизнью, а смерть представляется не только трагическим, но и невозполнимым явлением, нарушающим естественный цикл существования. Знаки смерти при изображении фашистов и советских бойцов интерпретируются по-разному: мертвый немец не представляет опасности, остается неподвижен; смерть советского воина актуализирует мотив памяти, сохраняя воспоминания об этом человеке у его сослуживцев. Взгляд трех главных героев – генерала Серпилина, лейтенанта Синцова и военврача Тани – позволяет показать войну с трех разных ракурсов, а обращение к сокровенному, семейному горю обнаруживает развитие мотива утраты и одиночества.

В трилогии война становится самостоятельным «действующим лицом», меняет жизненный темп, «ускоряя» время. Симонов показывает, что для людей на фронте жизнь стала измеряться не столько часами и минутами, сколько военными событиями, сражениями и госпиталями. Война ускоряет абсолютно все процессы в жизни людей, предъявляя требование быстрого личного возмужания и профессионального становления, а также заставляя задуматься о ценности жизни. Постоянное присутствие смерти в годы войны сказывается на слишком быстром взрослении детей, которые в силу трагических обстоятельств и в условиях постоянной опасности вынуждены принимать ответственные решения за свою жизнь.

При анализе глав, посвященных пребыванию Тани в отбитом у немцев лагере советских военнопленных под Сталинградом, был сделан вывод о том, что у людей, переживших бесчеловечность и ужас фашистского плена, меняется восприятие жизни и смерти. Писатель отмечает, что одни советские солдаты восприняли спасение как возможность вновь оказаться на фронте и продолжить борьбу. Другим бойцам, психологически и физически сломленным условиями плена, единственным спасением от душевных мучений видится смерть. Мотив расплаты и возмездия актуализируется при изображении бесчинства фашистов в лагере.

Перспективы дальнейшего исследования состоят в необходимости изучения данного мотивного комплекса в других произведениях Симонова для выявления динамики в авторской концепции.

Материалы исследования | Research materials

1. Симонов К. М. Живые и мертвые: роман в трех книгах. М.: Художественная литература, 1989. Книга 2: Солдатами не рождаются.
2. Симонов К. М. Парень из нашего города // Симонов К. М. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 2.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Белова Т. Д. Тяжелая правда начала войны в романах К. Симонова и Д. Гранина («Живые и мертвые», «Мой лейтенант») // Правда о войне в художественных интерпретациях. К юбилею Победы: материалы XXV Шешуковских чтений / под общ. ред. Л. А. Трубиной. М.: Московский педагогический городской университет, 2021.
3. Близняк О. М. Мотивные комплексы как системная характеристика современной русской литературы (на материале творчества А. Барковой, О Фокиной, Н. Ключаревой): автореф. дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2011.
4. Вишневская И. Л. Константин Симонов: очерк творчества. М.: Советский писатель, 1966.
5. Гареев М. А. Константин Симонов как военный писатель: история Великой Отечественной войны в творчестве Симонова и ее современные толкования. М.: Инсан, 2006.
6. Герасимова И. Ф. Человек и время: поэзия К. М. Симонова периода Великой Отечественной войны в контексте литературной эпохи: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2008.
7. Гете И. В. Максимумы и размышления // Гете И. В. Избранные философские сочинения / под ред. Г. А. Курсанова и А. В. Гулыги; вступ. ст. и коммент. Г. А. Курсанова. М.: Наука, 1964.
8. Душенко К. В. Метафоры, образы, символы: из истории культуры и языка: сборник статей. М.: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, 2023.
9. Коржова И. Н. Поэзия К. М. Симонова как художественная система: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2023.
10. Лазарев Л. И. Военная проза Константина Симонова. М.: Художественная литература, 1974.
11. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995.
12. Лоскутникова М. Б. Архитектонический строй романа «Обрыв»: сквозные и локальные мотивы // Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова: сборник статей русских и зарубежных авторов. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017.
13. Лоскутникова М. Б. Волжские рубежи как символ России в трилогии К. М. Симонова «Живые и мертвые» // Среда. Культура. Текст: сборник материалов II Всероссийской научно-практической междисциплинарной конференции (г. Нижний Новгород, 9-11 ноября 2023 г.). Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2024.

14. Лоскутникова М. Б. Смысловые акценты авторской телеологии в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история»: понятийно-аллегорические и идейно-символические образы воды // Символика воды в русской словесности и мировой культуре: коллективная монография / отв. ред. А. И. Смирнова. М.: Книгодел, 2022.
15. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры.
16. Машенко А. П. Крым в жизни и творчестве Константина Симонова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9 (75). № 3.
17. Панкин Б. Д. Четыре «Я» Константина Симонова: роман-биография. М.: Воскресенье, 1999.
18. Поль Д. В. Тема плена в публицистике и прозе К. М. Симонова, М. А. Шолохова и И. Г. Эренбурга 1941-1942 гг. // Первые Кулаковские чтения: на полях воинской славы России: сборник статей. М.: МАКС Пресс, 2023.
19. Синенко В. С. Трилогия К. Симонова «Живые и мертвые»: монографическое исследование. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986.
20. Тодоров Ц. Теории символа. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
21. Трубина Л. А. Возвращение к «правде сущей»: новое прочтение лейтенантской прозы // Русская словесность. 2023. № 5.
22. Финк Л. А. Константин Симонов: Творческий путь. М.: Советский писатель, 1979.
23. Фрадкина С. Я. Творчество Константина Симонова. М.: Наука, 1968.

Информация об авторах | Author information

Хлебцова Анастасия Витальевна¹

¹ Московский городской педагогический университет

Anastasiia Vitalevna Khlebtsova¹

¹ Moscow City University

¹ sizova.a.v@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.09.2025; опубликовано online (published online): 10.12.2025.

Ключевые слова (keywords): Константин Симонов; мотивный комплекс «живой – мертвый»; понятийно-аллегорические и идейно-символические знаки; характерология в литературном произведении; Konstantin Simonov; motif complex “the living – the dead”; conceptual-allegorical and ideological-symbolic signs; characterology in a literary work.